

Бог, Евгений Замятин

Было это царство богатое и древнее, славилось плодородностью женского пола и доблестью мужеского. А помещалось царство в запечье у почтальона Мизюмина. И был такой таракан Сенька – смутьян и оторвяжник первейший во всем тараканьем царстве. Тараканихам от Сеньки – проходу нет; на стариков ему начихать; а в бога – не верит, говорит – нету.

– Да как же нету, бесстыжие твои глаза? Ты при свете вылезь да зеньки разинь. А то, ишь ты: не-ету...

– А что ж, вылезу, – хорохорился Сенька.

И вылез однажды. Вылез – и ахнул: бог-то ведь есть и правда! Вот он, вот: грозный, нестерпимо-огромный, в розовой ситцевой рубашке, бог...

А бог, почтальон Мизюмин, чулок вязал: любил он этим рукоеслом заниматься в сверхурочное время. Увидал Сеньку Мизюмин – обрадовался:

– А-а, друг сердечный, таракан запечный, откуда ты, здравствуй!

Почтальону Мизюмину нынче выговориться обязательно надо, а больше, как с Сенькою, не с кем.

– Ну, брат Сенька, женюсь я. Невеста – первый сорт. Пойми ты, тараканья твоя душа: девица – из благородных, и приданого полтора ста рублей! Ох и заживем мы с тобой! Заживем, Сенька? А?

А Сенька от умиления глаза как вылупил – так и остался: все слова позабыл.

У Мизюмина свадьба – на красную горку, и заказала ему благородная невеста, чтоб до свадьбы обязательно купил себе новые калоши. А то чистый срам: уж который год носит Мизюмин отцовские кожаные скробыхалы номер четырнадцатый. И как только Мизюмин на улицу – сейчас же за ним мальчишки:

– Э! Э! Скробыхалы! Скробыхалы! Держи! Скробыхалы!

Навязал Мизюмин чулок – и на Трубную пошел: чулки продать – новые калоши купить. Подвернулись Мизюмину щеглы в клетке: не щеглы – загляденье.

– Сем-ка я лучше щеглят куплю? Калоши-то еще крепкие...

Купил клетку, поднес невесте в презент:

– Вот чулки вязал – продал, щеглят вам купил. Не побрезгуйте уж: от чистого сердца.

– Ка-ак? Чулки? И опять в скробыхалах? Ну, не-ет, терпенья моего больше нету. Подумать только: за чулочника замуж! Не-ет, нет, и никаких разговоров!

Прогнала Мизюмина с глаз долой. Надрызгался в трак-тире Мизюмин, вернулся домой пьян-пьянехонек, за стены держится...

А на стене – ждал бога таракан Сенька: умиленно слушать, как всякий вечер, что скажет бог.

Горькими слезами хлюпал, шарил рукой по стене почтальон Мизюмин. И ненароком как-то задел пальцем Сеньку, полетел Сенька торчмя головой в тартарары в бездонное.

Очнулся: на спине лежит. Берега – гладкие, скользкие; глубь страшная. Еле-еле, далеко гдей-то потолок виден...

И взмолился Сенька своему богу:

– Вызволи, помоги, помилуй!

Нет, глубь такая – и богу, должно быть, не достать, так тут и сгинешь.

...Горькими слезами хлюпал почтальон Мизюмин, подолом розовой рубашки утирал нос.

– Сенька, Сенюшка, один ты у меня остался... И где же ты... И куда ж я тебя, милый ты мой...

Нашел Сеньку Мизюмин в своем скробыхале. Пальцем выковырнул Сеньку из бездны – скробыхала номер четырнадцатый – и на стену посадил: ползи. Но Сенька даже и ползти не может, прямо очумел: до чего нестерпимо велик бог, до чего милосерд, до чего могуществен!

А бог, почтальон Мизюмин, хлюпал и подолом розовой рубашки утирал нос.

1915 год